

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
28 (91)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

на стихи, если в основном тексте дается отсылка к переводу, там указана лишь страница, что затрудняет нахождение нужного места. Текст, как указывает сам автор, изобилует греческой философской терминологией, и если из-за трудностей набора невозможно было после каждого термина помещать его греческое написание, следуя установившейся практике перевода коптских текстов на европейские языки, то необходимо было в конце книги поместить словарь греческих слов с указанием мест, где они встречаются. Это позволило бы отчетливо увидеть общую для «Толкования о душе» и раннехристианской литературы терминологию. Сам перевод выполнен весьма тщательно и точно.⁴⁸

А. Л. Хосроев.

В. Г. Луконин. *Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции*. М., 1979.

Рецензируемая книга является продолжением серии работ автора, посвященной проблемам истории и культуры раннесасанидского Ирана.¹ На этот раз предметом исследования стали события последней трети III в., слабо отраженные в нарративных источниках, но представляющие исключительный интерес для изучения внутренней политики и идеологии Сасанидского государства.

Решающими источниками при реконструкции событий смутного периода истории Ирана для В. Г. Луконина являются памятники, традиционно отнесенные к сфере вспомогательных исторических дисциплин: эпиграфика, нумизматика, торевтика, глиптика, наскальная живопись (рельефы). Их наивысшее достоинство состоит в том, что они современны описываемой эпохе и при умелой интерпретации наиболее информативны. Однако сама интерпретация — вещь чрезвычайно трудная, ибо, как отметил автор, «в надписях совсем нет последовательного описания истории . . . На изобразительных же памятниках, как правило, нет пояснительных текстов».² Из отдельных надписей, рельефов и памятников материальной культуры предстояло воссоздать один из интереснейших этапов истории Иранского государства.

Первая попытка реконструкции событий последней трети III в. была предпринята В. Г. Лукониным уже в 60-е гг., и ее результаты изложены в известной монографии «Культура сасанидского Ирана» (1969 г.). Возвращение к этой теме в конце 70-х гг. было вызвано необходимостью учета нового материала (дополнительные надписи и новые нумизматические клады), который давал возможность по-новому интерпретировать сюжеты скальных рельефов и заполнял лакуны в предложенной ранее схеме реконструкции.

В собственном смысле слова опыт исторической реконструкции занимает едва ли одну десятую часть новой книги В. Г. Луконина, представляя завершающий этап исследования, своего рода развернутые выводы, к которым автор пришел в результате тщательного анализа текста надписей и изображений на рельефах сасанидских чаш и монет.

Главными действующими лицами официальной сасанидской истории, разные эпизоды которой нашли отражение в названных памятниках, являются представители царствующего рода и придворной знати. Два раздела книги В. Г. Луконина посвящены роду Сасанидов и знати.

В первом разделе (с. 9—23) автор подверг анализу всю информацию, которую сообщают о потомках четырех сыновей Шапура I и их женах надпись этого шаханшаха на «Каабе Зороастра» и надпись Нарсе в Пайкули. На основании полученных данных В. Г. Луконин восстанавливает последовательность правления принцев из рода Сасанидов в уделах («царствах») Армении, Сакастана и

⁴⁸ 134 : 1—2: «Дух животворящий», а не «Дух святой, животворящий». На с. 214 в примечаниях к переводу ошибочно: примеч. 27 — вместо Марк 1 : 4 Матфей 1 : 4; примеч. 29 и 30 — вместо Исая — Исход.

¹ Этим сюжетам В. Г. Луконин посвятил многие исследования, основными из которых являются «Иран в эпоху первых сасанидов» (Л., 1961), «Сасанидские геммы» (в соавторстве с А. Я. Борисовым; Л., 1963) и «Культура сасанидского Ирана: Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры» (М., 1969).

² Луконин В. Г. Иран в III веке, с. 5.

Месены. Затем он уточняет атрибуцию некоторых царевичей и будущих шаханшахов, чьи «портреты» представлены на рельефе Шапура I в комплексе сасанидских рельефов в Накш-и Раджабе. Рассмотрев в этой связи и соседние рельефы, исследователь приходит к выводу о нескольких этапах создания комплекса. Инструментом для уточнения датировки отдельных рельефов служат ему иконография главных действующих лиц и титулатура раннесасанидских правителей. Очень интересной мне кажется мысль автора о связи комплекса Накш-и Раджаб с начальным этапом развития сасанидской династийной доктрины.

В разделе «Знать» (с. 24—34) В. Г. Луконин, вновь обратившись к упомянутым трилингве Шапура I и надписи Нарсе, выделяет тех вельмож из придворного окружения первых сасанидских правителей, которые играли активную роль во внутренней политике государства и при шаханшахе Нарсе (293—302) в качестве его сторонников или противников, подчеркивает важное положение при дворе питнахшей, хазар-апатов, других представителей высшей чиновничьей бюрократии, а также магупата Картира. За анализом надписей следует изучение скальных изображений комплексов Барм-и Делака и Танг-и Кандил. Автор уточняет датировку четырех рельефов времени Варахрана II (276—293), по специфике иконографии и инсигний власти дает атрибуцию изображенных на них персонажей.

В разделе «Раннесасанидская торевтика» (с. 35—38) исследователь сравнивает изображения потомков Шапура I и отдельных представителей придворной знати на сосудах с их «портретами» на монетах и рельефах и излагает собственную точку зрения на датировку отдельных памятников торевтики.

Обилие привлеченного нумизматического материала позволило В. Г. Луконину посвятить специальный раздел книги монетам Варахрана II (с. 39—58) и в соавторстве с А. Раджабли издать в виде приложения к основной части исследования уникальный клад драхм Варахрана II из Чохур-Кабалы (с. 74—85, 160—173, табл. 6—19). Собрания монет этого шаханшаха поражают большим разнообразием типов лицевой и оборотной сторон, что нашло отражение как в существенных элементах иконографии, так и в легендах. Выделение типов монет и их анализ способствовали установлению последовательности эмиссий, что в свою очередь дало возможность более точно датировать рельефы Варахрана II и в результате внести коррективы в хронологию уже известных событий.

Помимо выявления новых фактов для реконструкции внутривнутриполитических событий последней трети III в., перечисленные разделы представляют ценность и как самостоятельные очерки-исследования по истории искусства и культуры раннесасанидского Ирана.

Более усовершенствованная схема развития событий конца III в., предложенная в заключительном разделе книги (с. 59—73), кажется весьма убедительной и еще раз свидетельствует об искусном владении автором всем арсеналом синхронных эпохе источников.

Полностью разделяя предпочтение, которое В. Г. Луконин отдает сасанидским надписям, рельефам, торевтике и нумизматике, хочется все же заметить, что привлечение иноязычных нарративных источников могло бы частично снять вопросы, которые пока еще остаются неразрешимыми. Автор совершенно прав, утверждая, что обращение к сочинениям арабо-персидской исторической традиции очень мало дает для характеристики событий III в. в Иране. Это ясно при чтении перевода и комментария Т. Нельдеке к труду мусульманского историка Табари,³ такое же впечатление остается у исследователя и после опубликования сочинений, неизвестных Т. Нельдеке. Вероятно, какую-то информацию можно почерпнуть из ранних сочинений на сирийском языке, хотя политическая история Сасанидов интересовала сирийцев лишь в той мере, в какой она касалась судеб христианского населения державы.

В этой связи уместно вспомнить «Историю Адиабенской церкви», составленную в середине VI в., в которой помещен рассказ о смутах в Иране конца III в.

³ N ö l d e k e Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt. Leiden, 1897.

Содержание рассказа заслуживает того, чтобы дать его полный перевод:⁴ «В его время восстал Гофрашнасп, правитель Адиабены (mwhrt' d hdyb), против Варахрана III — царя персов. И он построил себе на горе высокую крепость, чтобы укрыться в ней от натиска врагов. Он также увел с собой многих людей, опытных лучников, в количестве, приводимом по обычаю из года в год — 560 [человек]. Ежедневно они выходили [из крепости] по 50—60 [человек], разбойничали и грабили все, что им попадалось на дорогах. Сообщение города с городом и селения с селением прервалось по причине их налетов. Многие из жителей Адиабены покинули [область] и ушли в другие земли. Цветущие села пришли в запустение. Сеять не мог сеять. Крестьяне из страха перед грабителями не выходили из своих домов. Богатые без числа все вместе отправились в Города (Селевкию и Ктесифон. — А. К.), чтобы изложить состояние дел Варахрану, царю царей. Он (царь) выслушал их жалобы и послал многочисленные отряды. Они пришли, чтобы взять штурмом и разрушить крепость Гофрашнаспа, но не смогли подойти к ней даже издалека из-за множества стрел, которые войны Гофрашнаспа метали в них с большим мастерством.

Они воевали там долго, два месяца, и ничего не могли сделать. Сообщили об этом Варахрану, и тот послал многих других воинов без числа с опытным и искусным военачальником Зархаспом. И он не смог овладеть крепостью, так как она была [хорошо] укреплена, а многие войны, находившиеся в ней, оказались воинственными и искусными лучниками, которые не позволяли [врагам] приблизиться даже издали. Тогда Зархасп прибегнул к хитрости и старался заманить Гофрашнаспа в ловушку. Он послал к нему своего сына с богатыми и драгоценными дарами и повелел сказать следующую: «Царь царей», прослышав о проявленной тобой храбрости, пожелал искать дружбы с тобой и сделать тебя главным управителем всего государства (mdbrn'gwny' dklh mlkw't'). Есть у меня разговор, который я расскажу тебе наедине, когда ни одного солдата не будет с нами. Прекрати же бой и приходи один в такое-то место, чтобы мы поговорили друг с другом только вдвоем». Гофрашнасп поверил военачальнику. Он также хотел и жаждал заключить мир: война затянулась и надоела его солдатам. Он (Гофрашнасп) вышел в отдаленное за крепостью место и позвал Зархаспа, чтобы тот пришел к нему и они бы остались вдвоем. Зархасп же приказал многим смельчакам отправиться и затаяться неподалеку от них двоих, и когда они (войны) увидят, что те сидят и беседуют, пусть нападут и схватят Гофрашнаспа.

Когда Гофрашнасп был схвачен с помощью хитрости, его крепость разрушили, а его самого доставили в Города к царю царей Варахрану. Варахран очень обрадовался тому, что совершил Зархасп. Он повелел — и с Гофрашнаспа содрали кожу, и повесили ее на царском замке, чтобы каждый, кто ее увидит, устранился бы и хорошо усвоил, что сурово царь царей мстит и наказывает того, кто ему не по винуется».

Приведенный рассказ содержится в повествовании о деяниях епископа Адиабены Ахадабухи и служит фоном, на котором протекает его миссионерская и подвижническая деятельность. Имена двух иранских военачальников — Гофрашнасп и Зархасп — в иноязычной передаче несколько искажены, но легко восстанавливаются: это Фарр-Гушнасп⁵ и Заррасп иранского ономастикона. Действие рассказа переносится в период кратковременного правления Варахрана III, если только сирийский писатель не путает его с Варахраном II. Не совсем обычно и место действия — Верхнее Междуречье. В целом рассказ ничего не меняет в реконструкции В. Г. Луконина, но дополняет ее новым материалом. Очевидно, дополнительную информацию о событиях конца III в. в Иране можно получить из «Хроники» Михаила Сирийца и из сочинений других сирийских историков.

А. И. Колесников.

⁴ M i n g a n a A. Mšihā-zkha (texte et traduction). — Sources syriaques. Leipzig [1908], vol. 1, p. 36—38, 114—116.

⁵ Не исключено также, как полагает Ф. Жинью, что сирийская транскрипция передает древнюю иранскую основу *virašana-aspa- «богатый конями» (см.: G i g n o u x Ph. Noms propres iraniens transcrits en syriaque. — Parole de l'Orient, vol. VI et VII, 1975—1976 (Extrait), p. 520).